

Пожилой доктор снял стетоскоп и покачал головой:

— Парень просто надышался самодельным снотворным. Ничего страшного, полежит и придёт в себя, особого противоядия тут нет. А вот вашими ранами заняться нужно прямо сейчас.

Лао Цзян молча кивнул. Врач подцепил пинцетом ватный тампон, обильно смочил его йодом и принялся аккуратно обрабатывать порезы на лице пациента, попутно вытаскивая мелкие осколки стекла. Внезапно старик уловил густой, металлический запах крови. Опустив взгляд, он заметил на чёрной куртке Цзяна тёмное, почти незаметное пятно. Стоило осторожно приподнять край плотной ткани, как его подозрения подтвердились — под ней скрывалась свежая глубокая рана.

Лао Цзян скользнул по ней равнодушным взглядом.

— Ерунда, — ровным голосом бросил он. — Обычная царапина.

— Какая ещё царапина? Тут швы накладывать надо и дезинфицировать! — заворчал старик. — Разойдётся — намучаетесь. На дворе хоть и зима, но времена сейчас такие, что приличных лекарств днём с огнём не сыщешь. Занесёте заразу — мало не покажется!

Лао Цзян про себя лишь усмехнулся:

«Уж кто-кто, а Е Цинжан подлатает меня куда лучше любого лекаря. Вот если этот дед начнёт меня заживо зашивать да пичкать таблетками — тогда я точно настрадаюсь».

Пока он размышлял, снаружи глухо взвизгнули тормоза. Скрипнула входная дверь, впуслав в душное помещение струю морозного воздуха. На пороге показался Е Цинжан. Окинув взглядом комнату и заметив наконец обоих товарищей, он заметно расслабился и быстро подошёл к ним:

— Всё в порядке? Вы целы?

Лао Цзян поднялся, торопливо запахнул куртку и бережно взял на руки спящего друга.

— С Ханьчжаном всё нормально, просто спит без чувств. Ран на нём нет. Со мной тоже ничего страшного, — он кивнул на выход. — Уходим.

Доктор всплеснул руками от возмущения:

— Да что вы творите! Куда потащили? Рану же обработать надо, с ума сошли!

Е Цинжан поспешно достал деньги и вложил их в ладонь упрямого старика.

— Простите, доктор, — мягко улыбнулся он. — Обстоятельства вынуждают нас спешить. Огромное вам спасибо за помощь.

Пожилой врач сжал в кулаке купюры. Поняв, что спорить бесполезно и дело у этих людей действительно нетерпящее отлагательств, он лишь тяжело вздохнул:

— Долг врача — помогать. Не за что благодарить. Берегите себя в дороге.

Е Цинжан кивнул на прощание. Вместе с Лао Цзяном они быстро вышли на улицу и забрались в джип Хэ Чэншуана. Вещи были собраны заранее; оставалось только забрать беглецов и навсегда покинуть Зону безопасности Чунцин. Стоило им выбраться за пределы провинций Сычуань и Чунцин, и никакой таинственный кукловод, кем бы он ни был, не сможет дотянуться до них своими щупальцами. На таком расстоянии его влияние сойдёт на нет.

Едва за ними захлопнулись двери, Цинжан направил мягкий поток древесной духовной силы на раны Лао Цзяна, стягивая края порезов, а затем осторожно провёл ладонью над лицом погружённого в сон Ханьчжана. Чистая природная энергия заструилась по венам юноши, вымывая остатки токсинов и ускоряя распад снотворного. Не прошло и получаса, как тот зашевелился и медленно открыл глаза.

Хуа Ханьчжан со стоном сел, потирая ноющие виски. Он вяло массировал точки на голове, пытаясь унять раскалывающую мозг боль. Воспоминания обрывались в тот момент, когда в торговом центре чья-то грубая рука прижала к его лицу пропитанную химикатами тряпку. Осознав, что находится в движущемся автомобиле, Ханьчжан вздрогнул от резкого прилива паники и резко огляделся. Лишь увидев сидящего рядом целым и невредимым Лао Цзяна, он облегчённо выдохнул и откинулся на спинку сиденья.

Заметив его движения, Лао Цзян бережно коснулся лба друга тыльной стороной ладони — тот всё ещё был слегка горячим, сказывалось похмельное действие анестетика. Ханьчжан попытался заговорить, но из пересохшего горла вырвался лишь глухой, надтреснутый сип, бесконечно далёкий от его обычного чистого, звонкого голоса. Собственный хрип заставил его поморщиться.

— Как ты? — с трудом выдавил он. — Что произошло после того, как меня... вырубили?

Лао Цзян, только что вкратце описавший свои приключения Е Цинжану и Хэ Чэншуану, терпеливо пересказал всё заново. Рассказ о таинственной духовной силе настолько поразил Ханьчжана, что он мгновенно позабыл о головной боли и засыпал товарища нетерпеливыми вопросами.

Цзян залюбовался им. В обычно сонных, слегка приподнятых к вискам уголках его лисьих глаз сейчас горело чистое, детское любопытство. Но даже удивлённо распахнутые, они не теряли своего природного магнетизма и едва уловимой, дразнящей поволоки. Ханьчжан был чертовски хорош собой.

— Я и сам толком не понял, — покачал головой Лао Цзян. — В тот миг, когда всё казалось безнадежным, внутри меня словно плотина прорвалась. Бурлящий поток этой странной энергии вырвался наружу, и я вдруг почувствовал... землю. Всё, что состояло из камня или глины вокруг, стало послушно моей воле. Стоило мне захотеть изменить форму стены — и она менялась. Правда, этот ресурс не бесконечен. Стоило применить силу пару раз, как я почувствовал себя опустошённым до предела.

Только теперь Ханьчжан пригляделся к другу внимательнее и ужаснулся. Лао Цзян пытался казаться бодрым, но под его глазами залегли глубокие тени, губы посинели, а щёки осунулись так сильно, будто он тяжело болел несколько недель. От его привычного цветущего, пышущего здоровьем вида не осталось и следа.

У Ханьчжана болезненно сжалось сердце.

«Вырвать меня из рук тех ублюдков... Чего ему это стоило? Он говорит об этом так просто, будто совершил обычную прогулку. И пускай в этой переделке он случайно пробудил в себе скрытый дар, но много ли на свете людей, готовых рискнуть собственной шкурой ради едва знакомого человека? Пусть они с Хэ Чэншуаном в глазах обывателей — жестокие бандиты, но их верность и преданность друзьям чище и благороднее, чем у любого праведника».

Ханьчжана и без того тошнило от чужих интриг, а осознание того, что за этим покушением наверняка стоят его собственные родственники, лишало последних капель душевного равновесия. Он горько усмехнулся про себя:

«Все вокруг твердят, что третий молодой господин семейства Хуа — несносный, прожигающий жизнь циник. Но правда в том, что я по рукам и ногам связан невидимыми нитями чужих амбиций и семейной выгоды. Моя роскошная жизнь — лишь золотая клетка, где я ни дня не принадлежал сам себе. Уж лучше бы я действительно вырос безмозглым лоботрясом. По крайней мере, не пришлось бы изнывать от бессилия, всё прекрасно понимая».

Бунт зрел в его душе давно — иначе новость о том, что старший брат Хуа Минжуй выслал за ним личный самолёт, не вызвала бы у него столько глухой тоски. И сейчас, повинуясь внезапному порыву безумной храбрости, Ханьчжан мягко улыбнулся и полусхотел произнёс:

— Ты снова спас мне жизнь, Цзян. Долг этот слишком велик, чтобы расплатиться презренным металлом. Похоже, мне не остаётся ничего другого, как напроситься к вам в попутчики. Буду готовить тебе обеды и крутиться на подхвате.

Лао Цзян просиял. Его ответ прозвучал просто и искренне, без тени притворства:

— Да какая ещё плата, Ханьчжан, брось ты. Если решишь остаться со мной, я тебя и близко к чёрной работе не подпущу. Я давно привык сам со всем справляться, так что не пропадём. А со временем я и о тебе заботиться научусь.

От этих слов Ханьчжану стало чертовски неловко, однако тему поднял он сам, так что пенять было не на кого. Спрятав смущение за натянутой улыбкой, он поспешил перевести разговор на деловой лад:

— Вообще, я тут подумал... Тот таинственный кукловод сумел подобраться ко мне лишь потому, что я слишком долго торчал в Зоне безопасности Чэнду и окрестностях. Стоит нам покинуть пределы Сычуаня, как его возможностям придёт конец — сотовой связи нет, интернет не работает, координировать наёмников на расстоянии сейчас почти невозможно. Так что в Пекин я возвращаться пока не горю желанием. Напротив, я был бы счастлив продолжить этот путь вместе с вами. Посмотрим, куда занесёт нас судьба. Мне безумно стыдно за те проблемы, которые я вам доставил, но обещаю: обузой я не буду. Я приложу все силы, чтобы пробудить в себе эту таинственную энергию и сражаться с вами плечом к плечу.

Е Цинжан в душе искренне радовался такому решению. Он видел, какими глазами Лао Цзян смотрит на своего ненаглядного друга, и просто обязан был помочь товарищу устроить личное счастье.

— Мы только рады твоему решению, Ханьчжан, — отозвался Е Цинжан с переднего сиденья. — И забудь ты про эти хлопоты. С каких это пор мы стали бояться трудностей? Но раз уж мы решили идти одной дорогой, давай договоримся сразу: отныне мы — одна команда. Все невзгоды и радости делим поровну.

Ханьчжан согласно кивнул. Он прекрасно понимал, что ни Е Цинжан, ни уж тем более Хэ Чэншуан не станут доверять ему безоговорочно с первого дня.

— Что ж, время покажет, кто чего стоит, — просто ответил он. — Поживём — увидим.

Хэ Чэншуан лишь мрачно усмехнулся. Мазнув по обоим холодным взглядом через зеркало заднего вида, он сильнее вдавил педаль газа. Е Цинжан, заметив выражение лица своего спутника, невольно вспомнил всё то, что Хэ Чэншуан говорил и делал ещё до начала конца света. Если когда-нибудь в будущем Хуа Ханьчжан предаст их ради семейных интересов или собственной выгоды, Чэншуан без тени сомнения преподаст ему такой урок, который тот запомнит до самой могилы. Если вообще выживет.

Цинжан прикрыл глаза, погружаясь в зыбкую полудрёму. В голове лениво крутилась одна и та же мысль:

«Хуа Ханьчжан... Сумеешь ли ты не разочаровать нас?»

К моменту, когда рассвет полностью вступил в свои права, внедорожник пересёк границу провинции Хубэй. Поскольку пробираться сквозь ночную тьму было делом опасным, мертвецов по пути встретилось без счёта. Беглецам то и дело приходилось отбивать яростные атаки с флангов, но главным их щитом и мечом стал огромный чёрный леопард Да Хэй. К утру, когда путники наконец отыскивали относительно безопасное убежище, зверь был измотан до предела. Кое-как проглотив припасённое Е Цинжаном сырое мясо, хищник обессиленно рухнул на пол и

мгновенно уснул, оглашая комнату тяжёлым сапом.

Хэ Чэншуан и Е Цинжан ещё держались на ногах, но вот Лао Цзяну пришлось хуже всех. Истощение от бездумной растраты духовной энергии накрыло его с головой. На протяжении всего пути у него не было ни секунды на передышку. С бледным, землистого цвета лицом он рухнул на ветхую кровать. Только старая привычка выживать бок о бок с Чэншуаном и никогда не терять бдительности не давала ему окончательно провалиться в беспамятство.

Е Цинжан вновь склонился над ним, мягко направляя свои силы в ослабленное тело друга. Его чистая, целебная энергия стихии дерева, тёплая и густая, быстро уладила бушующие, готовые вот-вот лопнуть потоки чужой земной ауры. Лао Цзяну чертовски повезло: стихия земли по природе своей стабильна. Окажись его дар буйным ветром или яростной молнией, при подобном истощении его меридианы и каналы разорвало бы в клочья.

Всё это время Хуа Ханьчжан преданно сидел у постели раненого. Парень обладал острым, цепким умом, и пазл в его голове давно сложился:

«Цинжан и Хэ Чэншуан пробудили свои способности гораздо раньше остальных. Их сила глубока, а контроль совершенен. Такое могущество в нашем безумном мире — абсолютная вершина, и вряд ли это простое совпадение. За этим явно скрывается какая-то тайна. Но то, что Цинжан даже не пытается ничего от меня утаить, говорит об огромном, выданном мне авансом доверии».

Убедившись, что состояние Лао Цзяна стабилизировалось, Е Цинжан поднялся, достал из своего рюкзака тонкую, невзрачную тетрадь и протянул её Ханьчжану.

— Это копия старинного трактата, передававшегося в моей семье из поколения в поколение, — заговорил он, искусно переплетая правду с вымыслом. — Раньше мы хранили его просто как семейную реликвию, дань памяти предкам. Но незадолго до катастрофы мне удалось расшифровать скрытый в нём смысл. Если следовать изложенным там указаниям, можно впитывать в себя разлитую в воздухе духовную энергию вселенной. Думаю, эти практики напрямую связаны с теми необратимыми изменениями, что происходят сейчас в мире. Мы втроём тренируемся уже какое-то время, и плоды этих трудов ты только что видел сам.

В глазах Ханьчжана вспыхнул лихорадочный блеск. Бережно, едва дыша, он принял тонкую тетрадь. Будучи человеком образованным и искушённым, он мгновенно осознал, какое сокровище держит в руках. Даже его богатого воображения не хватало, чтобы полностью осмыслить невероятную перспективу, которую открывал этот мистический путь самосовершенствования.

Заметив его искреннее изумление и редкий для этого эстета восторг, Е Цинжан негромко рассмеялся:

— С твоим умом и природными данными тебе понадобится от силы дня три, чтобы обогнать Лао Цзяна. Думаю, со временем людей с подобными силами станет гораздо больше. Нам

просто повезло получить эту систему первыми, а значит, нужно тренироваться ещё усерднее, чтобы не растерять это преимущество.

Е Цинжан намеренно сгущал краски, но Ханьчжан и сам прекрасно всё понимал. Да, одарённых со временем прибавится, но подобные невероятные способности никогда не станут дешёвкой, доступной каждому встречному. Мир стоял на пороге глобального передела власти, и те, кто владел этой силой, неизбежно окажутся у руля новой эпохи. В таких условиях методика, позволяющая целенаправленно поглощать энергию без смертельно опасных слепых поисков, стоила дороже всех сокровищ старого мира.

Хуа Ханьчжан посерьёзnel и посмотрел Цинжану прямо в глаза:

— Я верну тебе тетрадь, как только заучу каждую строчку наизусть. Клянусь, без твоего личного разрешения ни одна живая душа не узнает об этом методе. Пусть даже близкие будут умолять меня на коленях, а враги — резать на куски, я не пророню ни слова. Моё слово твёрдо. Если нарушу клятву — пусть моя жизнь будет в твоей власти.

<http://bllate.org/book/19006/1984922>